Самый желанный мужчина

Автор:
Джейн Портер

Самый желанный мужчина

Джейн Портер

Любовный роман – Harlequin #764

Джорджия Нильсен стала суррогатной матерью, чтобы поправить материальное положение своей семьи. Она не сомневалась в правильности своего решения, пока не оказалась в заточении на острове. Причем ее тюремщиком стал отец ее будущего ребенка, человек по прозвищу Монстр…

Джейн Портер

Самый желанный мужчина

Роман

Jane Porter

Bought to Carry His Heir

Bought to Carry His Heir © 2016 by Jane Porter

«Самый желанный мужчина» © «Центрполиграф», 2017

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

Глава 1

Холодным февральским днем в адвокатском бюро «Лайла, Лоран и Абрахам» на Вест-Пичтри в Атланте царила крайне напряженная атмосфера.

Адвокат Джеймс Лоран теребил в руках очки, выражение его лица было угрожающим.

– Вы подписали контракт, мисс Нильсен. Это обязательное условие в любой стране…

– У меня нет претензий к контракту, – прервала его Джорджия, скорее раздраженная, чем смущенная ледяным презрением, сквозившим в тоне адвоката. Она была абсолютно уверена в том, что выносит ребенка только для того, чтобы отказаться от него. Ей предстояло стать суррогатной матерью, и она серьезно относилась к этому. – Ребенок принадлежит ему. Но в контракте не оговаривается, где я должна рожать, и меня не предупредили о родах за границей. Если бы я знала об этом заранее, то не согласилась бы на роль суррогатной матери и не заключила контракт с мистером Паносом.

– Мисс Нильсен, Греция не страна третьего мира. В Афинах вам окажут прекрасную медицинскую помощь до, во время и после родов.

Джорджия одарила адвоката долгим взглядом. Она старалась сдерживать эмоции.

– Я учусь на медика в Эмори. Медицинская помощь до родов меня не интересует. Но меня беспокоит ваш тон. Если была допущена ошибка, то это была либо ваша ошибка… либо ошибка вашего клиента. В конце концов, именно вы подготовили контракт. Вы знаете, что подразумевает это соглашение. В нем не говорится, что я должна сесть в самолет и пролететь пять тысяч шестьсот шестьдесят шесть миль, чтобы родить ребенка.

– Это вопрос гражданства, мисс Нильсен. Ребенок должен родиться в Греции.

Джорджия Нильсен посмотрела на огромную карту, висящую в раме на стене кабинета мистера Лорана. Это была старинная, коллекционная карта. Судя по границам и названиям, она была составлена в конце девятнадцатого века – в 1880-х или 1890-х годах, когда Африку поделили между собой европейские колонизаторы. Но даже на этой старой и пожелтевшей карте легко узнавалась Греция – колыбель западной цивилизации.

Именно в этой стране ей предстоит рожать.

Если бы Джорджия была в лучшем настроении, возможно, она сочла бы ситуацию забавной. Но сейчас она чувствовала себя отвратительно. Она была в ярости, она была разочарована. Она с самого начала заботилась о себе, уделяла пристальное внимание здоровью и благополучию ребенка. Ей следовало выносить здорового малыша, и она выполняла свою роль – правильно питалась, спала как можно больше, занималась гимнастикой и старалась не нервничать. Но поездка в Грецию не входила в ее планы.

– Пока мы с вами разговариваем, заканчиваются приготовления к поездке, – прибавил мистер Лоран. – Мистер Панос пришлет за вами личный самолет, современный и роскошный. У вас будет прислуга, вы хорошо отдохнете и даже не заметите, как придет время рожать.

– Еще не наступил третий триместр. По-моему, поездка крайне преждевременна.

– Мистер Панос предпочитает уделять повышенное внимание вам и ребенку. Врачи не рекомендуют международные перелеты на третьем триместре.

– Только при беременности с высоким риском осложнений.

– Вам делали ЭКО, – заметил адвокат.

– У меня не возникло никаких проблем.

– Мой клиент предпочитает поступать по-своему.

Джорджия прикусила язык, чтобы не сказать того, о чем она могла пожалеть. Она понимала – Никос Панос заботится о своем сыне. Ее желания не в счет. Она –

утроба для вынашивания малыша, больше ничего. Как и предполагалось, она родит здорового ребенка и убедится, что он окажется в объятиях своего заботливого отца. И тогда ее работа будет считаться выполненной.

Но это не означает, что она должна уезжать из Атланты, где ей все так привычно. Поездка в Грецию – огромный стресс. Суррогатное материнство – работа и способ обеспечить свою сестру, но все-таки Джорджия не настолько наивна. Трудно не испытывать никаких чувств к малышу, которого вынашиваешь, и эти чувства становились все сильнее. У нее уже шалили нервы. Остается только догадываться, как она будет себя чувствовать еще через три с половиной месяца.

Но материнство – не ее будущее. Ее будущее – медицина.

Долгое время в кабинете царила тишина. Наконец мистер Лоран постучал пальцами по столу.

– Вы можете вылететь в эту пятницу? – спросил он.

– У меня занятия в университете.

– Вы только что окончили доклинический курс. Вы готовитесь к экзамену по медицинскому лицензированию и можете учиться в Греции.

– Я не собираюсь оставлять сестру на три с половиной месяца.

– Ей двадцать один год, она живет в Дареме, Северная Каролина.

– Да, она учится на старшем курсе медицинского университета Дьюка, но финансово и эмоционально зависит от меня. Я ее единственный оставшийся в живых родственник. – Джорджия встретила его взгляд. – У нее никого нет, кроме меня. – Она поджала губы. – Ваш клиент заплатил за яйцеклетку и суррогатное материнство. Если мистер Панос хочет присутствовать на родах сына, пусть приезжает в Атланту. Или медсестра отвезет ему ребенка. Как договаривались.

– Мистер Панос сейчас не может летать на самолете.

Джорджия подняла подбородок:

– Меня это не касается. Дела вашего клиента меня не касаются. Как только я рожу, мне будет все равно, что случится с ребенком. Мне платят за безразличие, мистер Лоран, и я намерена сдержать слово.

Адвокат закрыл глаза, снял очки и потер переносицу. Некоторое время тишину в кабинете нарушало только тиканье старинных часов.

Мистер Лоран открыл глаза и пристально посмотрел на Джорджию.

– Сколько вы хотите за вылет в пятницу? – спросил он. – Я знаю, у всех есть цена. У вас тоже. Именно поэтому вы согласились пожертвовать яйцеклеткой и выносить оплодотворенный эмбрион. Вы остались довольны денежной компенсацией. Давайте не будем препираться. Скажите мне, сколько вы хотите, чтобы улететь в Грецию, и я прослежу, чтобы деньги перевели на ваш счет завтра утром.

Джорджия смотрела на адвоката, пытаясь скрыть волнение и разочарование. Да, деньги ей необходимы, но она не хотела ничего лишнего. Она просто старалась закончить то, что начала. Джорджия надеялась легко справиться с ролью суррогатной матери, но в последнее время ей все труднее стало сдерживать эмоции. Сейчас слишком поздно отступать. Ее мнение не изменится. Она подписала контракт. Ребенок ей не принадлежит. Она просто его вынашивает.

Она должна быть сильной. Это ее единственный выход. Как только она родит и младенца унесут, она о нем забудет.

– Назовите сумму, – тихо сказал мистер Лоран.

– Дело не в деньгах.

– Но они помогут вам оплатить счета! Так оплатите их, обеспечьте свою сестру. Воспользуйтесь этим предложением, чтобы больше никогда не делать ничего подобного.

Посмотрев на него в упор, Джорджия вонзила в ладони короткие ногти.

Мистер Лоран прав. Она никогда не сможет снова сделать что-нибудь подобное. Это разобьет ей сердце. Но Джорджия переживала времена и похуже. Кроме того, она же не бросит ребенка в лапы чудовища. Никос Панос страстно хочет иметь сына.

Резко вздохнув, Джорджия назвала возмутительно большую сумму, которая покрыла бы расходы на обучение в медицинском университете и проживание. Она специально завысила цифру, чтобы шокировать старого адвоката.

Но мистер Лоран и глазом не моргнул. Вместо этого он что-то написал на отпечатанном листе бумаги.

– Это дополнение к контракту, – произнес он, подвигая ей лист. – Подпишите и поставьте дату.

Джорджия сглотнула, удивляясь тому, с какой готовностью он согласился на ее возмутительное требование. Скорее всего, он был готов к тому, что она попросит еще больше. Вероятно, она могла попросить миллионы, и он бы согласился.

– Итак, вы согласны вылететь в пятницу, – сказал мистер Лоран. – Вы проведете последний триместр беременности в Греции, на вилле Никоса Паноса на острове Камари. После родов, как только вы восстановитесь, мой клиент отправит вас обратно в Атланту либо на своем самолете, либо первым классом выбранной вами авиакомпании. У вас остались какие-либо вопросы?

– Деньги поступят на мой счет завтра утром?

Адвокат протянул ей шариковую ручку.

– Они будут на вашем счете к девяти утра. – Он улыбнулся, когда она подписала дополнение. – Я рад, что мы пришли к соглашению.

Джорджия встала. У нее ныло сердце.

– Вы же сказали, что у всех есть цена. До свидания, мистер Лоран.

– Приятного проживания в Греции, мисс Нильсен.

Глава 2

Поездка из Атланты оказалась долгой, она заняла почти тринадцать часов. У Джорджии было достаточно времени, чтобы поспать, позаниматься и даже посмотреть пару фильмов, когда она устала готовиться к экзаменам.

Кино помогло ей отвлечься. Джорджии не хотелось думать. Ей необходимо было отвлечься, чтобы не вспоминать прощание с Сюзанной, которая приехала из Дарема, чтобы ее проводить.

Сестра умоляла Джорджию не уезжать. Она то плакала, то твердила, что Джорджия очень рискует, отправляясь в такую даль к по сути совершенно незнакомому человеку.

– Что ты вообще о нем знаешь? Ну и что, что он миллиардер? Он может быть опасен! Кто поможет тебе, когда ты окажешься на его острове у черта на куличках?

Сюзанну вряд ли можно было назвать практичной особой, но на этот раз Джорджия не могла с ней не согласиться.

Она собрала информацию о Никосе Паносе в Интернете. Он был греческим миллиардером. Благодаря разумным инвестициям он превратил свою разоряющуюся семейную фирму в преуспевающую компанию, и сделал это в возрасте примерно двадцати пяти лет, встав во главе компании. Никаких сведений о его привычках и характере она не нашла.

Джорджия погладила живот, который становился все круглее. Ее кожа была чувствительной и теплой. Не желая думать о беременности и суррогатном материнстве, она не могла не чувствовать, как внутри ее растет новая жизнь.

И не просто жизнь, а мальчик. В ее семье не было мальчиков. Одни девочки. Три сестры. Джорджия даже не представляла, каково воспитывать мальчика.

Но ей не придется об этом узнать.

Когда самолет начал снижение над бесконечным синим морем, ребенок пошевелился, словно осознав, что находится почти дома. Джорджия затаила дыхание, борясь с паникой.

Она справится, сделает это. Ребенок не принадлежит ей. Она к нему не привяжется. Ей заплатили за то, чтобы она родила и отдала малыша.

– Всего три с половиной месяца, – прошептала Джорджия.

Через три с половиной месяца она будет свободна.

«Через три с половиной месяца все закончится», – подумал Никос Панос, стоя в дальнем конце взлетно-посадочной полосы и, прищурившись, посмотрел на белый реактивный самолет.

День был ветреный, и посадка ожидалась довольно жесткой.

К самолету подкатили трап, и Никос наконец увидел двадцатичетырехлетнюю Джорджию Нильсен.

Очень стройная блондинка, она была в мягкой трикотажной тунике цвета абрикоса, темно-серых легинсах и сапогах на высоких каблуках. Он нахмурился, не понимая, зачем беременная женщина носит сапоги с такими каблуками. Ему не понравились не только ее сапоги, но и туника, едва доходившая до середины бедра.

Никос знал, что Джорджия Нильсен довольно хорошенькая, но он не ожидал ничего подобного.

Стоя на вершине трапа с развевающимися на ветру белокурыми волосами, она так походила на Эльзу, что у него заныло в груди.

Да, он хотел, чтобы суррогатная мать малыша была похожа на Эльзу. Но ему не нужна Эльза. Внезапно Никос подумал, что совершил ужасную ошибку. Вероятно, он свихнулся, найдя во всем мире, возможно, единственную женщину, похожую на его покойную жену.

В этот момент Джорджия Нильсен заметила его, выпрямилась, помахала рукой и стала торопливо спускаться по трапу.

Твердя себе, что перед ним не Эльза, Никос пошел ей навстречу.

Если Эльза была тихой и нежной, даже немного робкой, то эта длинноногая блондинка шла по взлетно-посадочной полосе так, словно та ей принадлежала. Никос встретил ее на полпути, решив таким образом заставить замедлить шаг.

– Осторожнее, – проворчал он.

Джорджия посмотрела на него и нахмурилась.

– О чем вы? – раздраженно спросила она.

Издали она выглядела поразительно. Вблизи она оказалась удивительно красива. Красивее Эльзы, если такое возможно.

Никос снова подумал, что совершил фатальную ошибку. Не надо было привозить ее сюда сейчас, когда до родов остается еще так много времени. Нет, он не боялся влюбиться в копию своей покойной жены. Его отношения с Эльзой никогда не были легкими, и он обвинял себя в ее бессмысленной смерти. Никос надеялся, что ребенок смягчит его чувство вины, надеялся, что отцовство поможет ему жить дальше.

– Вы могли споткнуться и упасть, – коротко произнес Никос низким голосом, и его тон казался грубым даже ему самому.

На острове Камари он вообще мало разговаривал, даже с персоналом. Его сотрудники знали свои обязанности и исполняли их без лишних разговоров.

Выгнув бровь, Джорджия бросила на него долгий, оценивающий взгляд.

– Я бы не упала, – сказала она через мгновение. – Я отлично владею своим телом. Я хотела стать профессиональной гимнасткой, но слишком быстро выросла. – Она протянула ему руку. – Но я ценю ваше беспокойство, мистер Панос.

Он смотрел на ее руку так долго, что его поведение можно было посчитать невежливым. Но ему было наплевать на манеры и этикет до несчастного случая с женой, а теперь ему вообще все равно. Сейчас он ни о чем не заботился, в этом и проблема. Ему нужен сын, и не только потому, что компании необходим наследник. Никос – последний из Паносов, и он не имеет права положить конец своему роду.

Ребенок все изменит. Сын – его будущее.

Никос крепко пожал руку Джорджии:

– Зовите меня по имени.

Подняв голову, он повернулся к Джорджии правой стороной лица, позволяя ей увидеть, как он обезображен, а затем снова взглянул на нее в упор.

Она смотрела прямо на него и глазом не моргнув от ужаса или страха. Она даже не выглядела удивленной. Ее широко раскрытые голубые глаза с серебристыми искорками были ясными.

– Вы тоже называйте меня по имени, – ответила Джорджия как ни в чем не бывало.

Несмотря на долгий перелет и беременность, она выглядела свежей, сияла здоровьем и жизненной силой.

Никос внезапно почувствовал желание. Он очень удивился, потому что на протяжении пяти лет не испытывал подобных ощущений.

Он не понимал, влечет ли его к Джорджии потому, что она напоминает ему жену, или он просто заинтригован ее бесстрашием.

Чувствуя тепло ее руки, он представил ее себе обнаженной и жестко одернул себя, вспоминая, что он сделал с Эльзой и что она сделала с ним.

Однако Джорджия не Эльза, не его жена. Она ему никто. Однако рисковать он не станет. Эта женщина вынашивает его сына. От ее здоровья и благополучия зависит здоровье и благополучие его ребенка. Поэтому он будет заботиться о Джорджии.

Никос жестом приказал положить чемоданы Джорджии в багажник реконструированного военного «лендровера» 1961 года. Это было лучшее средство передвижения по холмистой местности острова Камари и его извилистым дорогам, любимый автомобиль Никоса, который летом превращался в кабриолет.

Никос направился к машине, а потом вспомнил о нелепой обуви американки.

– Такая обувь для Камари не подходит, – коротко сказал он.

Снова одарив его долгим взглядом, Джорджия пожала плечами.

– Я запомню, – произнесла она и грациозно проследовала к автомобилю. Ее светлые волосы искрились на солнце.

Никос опять невольно вспомнил жену. Когда-то Эльза была счастлива. До того, как вышла за него замуж и пожалела об этом.

Никос стиснул кулаки, борясь с воспоминаниями о прошлом, которое всегда преследовало его. Он взмолился, чтобы ребенок помог ему начать новую жизнь. Никос надеялся, став хорошим отцом, обрести покой. Или уже слишком поздно?…

Он заставил себя сосредоточиться на Джорджии. У машины стояла скамеечка для ног, чтобы ей было легче подняться в высокий салон. Удивленно посмотрев на скамеечку, молодая женщина улыбнулась и легко вспорхнула на пассажирское сиденье.

Никос не понял ее улыбки. Он вообще не понимал ее самоуверенности. Казалось, она бросает ему вызов. Он не был уверен, что ему это нравится. Эта женщина только что приехала и уже так себя ведет.

К счастью, Никос умел контролировать свои эмоции. Пусть его сердце билось чаще при виде Джорджии, он по-прежнему управляет ситуацией. Когда-то Никос легко выходил из себя, но с годами, повзрослев, успокоился. Он ни разу не устраивал скандала Эльзе, но она рядом с ним постоянно нервничала…

Никос тряхнул головой. Он не должен думать об Эльзе. Ему не следует жить прошлым. Именно поэтому он нанял донора и суррогатную мать.

Усевшись за руль, он взглянул на Джорджию. Она пристегивала ремень безопасности, блестящие светлые волосы рассыпались по ее плечам и спине, словно золотой водопад. Красивые волосы. Длиннее, чем у Эльзы.

Никос снова почувствовал симпатию к Джорджии, но одернул себя. Он не должен зациклиться на ее привлекательности. Она всего лишь инкубатор для вынашивания его ребенка.

Однако его тело не слушалось доводов рассудка. Мучительное напряжение в его паху росло. Никос чувствовал себя тигром, вырвавшимся из клетки. Ему не нравилось это ощущение. Ему было не по душе, когда что-то или кто-то бросал ему вызов, напоминая о его неприятном прошлом. До женитьбы на Эльзе Никос не подозревал, какой у него отвратительный характер. Он не знал об этом, пока Эльза не стала прятаться от него, словно от монстра. Если бы он хорошо себя изучил до женитьбы, то никогда бы не женился. Если бы он знал, что погубит собственную прекрасную жену своим ужасным нравом, то остался бы холостяком.

Однако Никос хотел детей. Он жаждал создать семью.

Краем глаза он увидел, как Джорджия закинула ногу на ногу. Туника поднялась выше.

– Мы в пятнадцати минутах езды от дома, – бросил он, заводя двигатель и борясь с крамольными мыслями.

– Как называется город? – спросила Джорджия, поправляя пояс туники.

Никос посмотрел на ее выпуклый живот и впервые по-настоящему осознал, что станет отцом. На долю секунды он затаил дыхание.

– Хотите к нему прикоснуться? – поинтересовалась Джорджия.

Он посмотрел ей в лицо. Ее щеки были бледными, взгляд – настороженным.

– Он толкается, – прибавила она, слегка изогнув губы в улыбке. – По-моему, он с вами здоровается.

Никос посмотрел на ее руки, а потом снова на округлый живот.

– Уже толкается? – спросил он. – Так рано?

– Это началось неделю или две назад.

Никос в волнении глядел на нее. Ему хотелось почувствовать, как толкается его сын, но он не мог заставить себя прикоснуться к Джорджии. Она не должна была иметь для него никакого значения, однако внезапно Никос увидел в ней не устройство для вынашивания ребенка, а ошеломляюще красивую молодую женщину, беременную его сыном.

– Не сейчас, – произнес он, отворачиваясь. Ему стало не по себе. Все-таки он зря привез ее на остров. – Но мне приятно узнать, что он толкается и кажется здоровым.

– Он совершенно здоров. Надеюсь, вы получали врачебные отчеты и сонограммы?

– Да. – Сейчас Никос не хотел говорить о ребенке. Он вообще не желал разговаривать. Он привез Джорджию на Камари не для того, чтобы с ней подружиться. Их ничто не связывает.

– Так как называется город? – повторила она, поправляя золотистые волосы.

Никос смотрел прямо перед собой.

– Здесь нет города. Это частный остров.

Джорджия взглянула на него:

– Ваш?

– Мой, – кивнул он.

– А дом? Какой он?

– Он расположен у воды. Там хорошо летом.

– Но не очень хорошо зимой? – спросила она.

Никос мельком взглянул на нее:

– Дом старый и простой. Но меня устраивает.

Джорджия теребила прядь волос.

– Мистер Лоран говорил о вилле. – Она снова посмотрела на Никоса с любопытством. – Он ошибся?

– В Греции виллой называют загородный дом. Поэтому нет, он не ошибся.

Она открыла было рот, чтобы задать очередной вопрос, но Никос спокойно, но категорично прервал ее:

– Я не очень разговорчивый человек, Джорджия.

Если бы Джорджию не тошнило, она бы рассмеялась. Получается, Никос намекает ей, что она должна перестать задавать вопросы?

Она украдкой разглядывала его резко очерченные черты лица, черные брови и карие глаза.

Никос оказался не таким, каким она ожидала его увидеть. Она представляла себе крепкого, приятного мужчину около сорока лет, но в Никосе Паносе не было ничего приятного. Он был высоким, широкоплечим, длиннноруким и длинноногим. У него были густые блестящие черные волосы, пронзительные глаза и красивые черты… по крайней мере на половине лица. Другая половина была покрыта шрамами, явно от ожогов.

Мистер Лоран сказал Джорджии, что у мистера Паноса нет жены и он будет воспитывать ребенка сам.

Неужели он намерен растить мальчика на этом засушливом вулканическом острове посреди моря?

– Где вы будете жить после рождения ребенка? – резко спросила она.

Он сдвинул черные брови:

– Здесь. Это мой дом.

Джорджия затаила дыхание и уставилась на узкую дорогу у края скалы. Дорога была однополосной, неогороженной, плохо вымощенной и извилистой. Джорджии захотелось поскорее вернуться в Атланту.

Стараясь успокоиться, она несколько раз медленно вдохнула и выдохнула и снова напомнила себе, что приехала сюда из-за денег. Но если раньше Джорджия успокаивалась, вспоминая об огромной сумме на своем банковском счете, то сейчас ей это не удалось. Ее сильно тошнило.

– Пожалуйста, остановитесь, – умоляюще произнесла она и схватилась за ручку дверцы. – Меня сейчас вырвет.

Глава 3

Джорджия проспала в своей комнате на вилле несколько часов.

Она видела во сне Сюзанну. Сестра плакала и отговаривала ее от поездки в Грецию.

Сон прервал тихий, но настойчивый стук в дверь спальни. Джорджия с трудом села, когда дверь распахнулась и в комнату ворвался Никос.

– Что вы делаете? – воскликнула она, вставая.

– Почему вы не отвечали?

– Я спала!

– Мы уже целый час пытаемся вас разбудить. – Он подошел к кровати, его карие глаза сверкали. – Я решил, что вы умерли.

Джорджия потянула вниз пижаму, закрывая живот. Она не покупала одежду для беременных, не желая тратить деньги до тех пор, пока это будет абсолютно необходимо.

– Как видите, я живая.

– Вы меня очень испугали, – выпалил он.

Джорджия подняла руку, чтобы показать ему, как сильно она дрожит.

– Смотрите, что вы со мной сделали. Вы сломали дверь…

– Я прикажу ее починить, когда вы уйдете обедать.

Ей хотелось извинений, но она поняла – извиняться Никос не станет. Он действительно не считает, что сделал нечто плохое. Джорджия взглянула на окно с закрытыми ставнями, сквозь щели которого пробивались лучи вечернего солнца, и попыталась успокоиться.

– По-моему, сейчас время ужина, а не обеда, – заметила она.

– Мы ужинаем не раньше десяти вечера, а то и позже. Вам подадут поздний обед. Одевайтесь и поднимайтесь наверх.

– А нельзя принести еду в мою комнату? – прервала она, рассердившись на его тон. У Никоса были отвратительные манеры. – После долгого перелета я предпочла бы остаться в кровати и немного почитать…

– Поднимитесь по лестнице на третий этаж, потом пройдите через гостиную и выходите на террасу, – подытожил он, словно не слышал ее.

Джорджия нахмурилась. Она злилась все сильнее.

– Мистер Лоран говорил, что у меня будет собственное пространство и частная жизнь.

– У вас есть собственное пространство. В вашем распоряжении три комнаты. Но раз в день мы с вами будем встречаться и ужинать вместе.

– Не понимаю, почему мы должны встречаться ежедневно. Нам нечего сказать друг другу.

– С этим я полностью согласен. Нам нечего сказать друг другу, но я должен многое сказать своему сыну. А так как он находится внутри вас, вы должны присутствовать при разговоре.

Джорджия едва сдержала злобный комментарий.

– Сожалею, что вам придется терпеть мою ужасную компанию следующие три месяца.

– Мы оба идем на жертвы, – ответил Никос. – К счастью, ваши жертвы компенсируются. – Он кивнул и повернулся, чтобы уйти.

– Я хотела бы принять душ.

– Отлично.

– Дверь в мою комнату починят, пока я буду наверху?

– Я уже сказал, что починят.

Выйдя из комнаты Джорджии, Никос вызвал Адраса, пожилого смотрителя виллы, и сообщил ему, что дверь в спальне Джорджии необходимо отремонтировать. После этого он отправился на затененную террасу и стал ждать Джорджию.

Солнце делало оттенки неба и моря ярче и насыщеннее. Терраса была защищена от сильного ветра. Никос стоял у стены, глядя на море, ветер трепал его рубашку и волосы. Его волосы сильно отросли, зато скрывали шрамы на виске и скуле.

Он пока не мог привыкнуть к тому, что на вилле появилась Джорджия. Он не любил гостей. Камари – его личный остров. Ближайшим к нему был остров Аморгос, на котором находились больницы, паромы, магазины и монастыри, но Никос не появлялся на Аморгосе в последние годы. Там его не ожидало ничего хорошего.

Все необходимое ему доставляли с материка. Если ему стало бы скучно, он полетел бы в Афины. Хотя компания ему вряд ли нужна. Вот уже много месяцев он предпочитал одиночество. В Афинах у него был дом, а также там находился головной офис его фирмы. На Санторини располагался старинный особняк его семьи и бывший винный завод, которые когда-то были его любимым местом в мире, а теперь стали источником его кошмаров.

Никос прожил один так долго, что не представлял себя в окружении большого числа людей. Его сыну тоже не понадобится большое общество. Он научит его жить просто, любить природу и быть независимым. Он постарается, чтобы его сын узнал, что такое счастье… Не деньги, не награды, не похвала и не успех, а этот остров, эти небо и море.

Услышав шаги, он обернулся.

Джорджия вышла на террасу в черных легинсах, длинном черно-белом трикотажном джемпере и ботильонах на высоких каблуках. Ее блестящие светлые волосы были затянуты в высокий хвост. Джорджия не накрасилась, но выглядела гораздо более отдохнувшей.

– Что вы будете пить? – спросил Никос, указывая на поднос с кувшинами.

– Воду. Спасибо.

Он налил воды в высокий стакан и передал его ей. Она стояла, глядя на Эгейское море. С террасы открывался впечатляющий вид – заходящее солнце золотило горизонт, отбрасывая на небо алые и бронзовые всполохи.

– Как вы себя чувствуете? – поинтересовался Никос.

– Хорошо, – коротко ответила Джорджия, сохраняя дистанцию.

Никосу следовало извиниться, но он не знал, с чего начать. Слова застряли у него в горле. Он не привык просить прощения.

– Вас часто укачивает в машине? – Он пытался найти тему для разговора.

– Как правило, меня не укачивает. Но сейчас я беременна.

– Мои пилоты сказали, что приземление было довольно жестким. В это время года в Греции очень сильные ветра. – Он колебался. – Извините.

Она выгнула красивую бровь, выражение ее лица было холодным.

– Вы не можете контролировать ветер, – Джорджия отпила воды, – но вы можете контролировать себя. Пожалуйста, не вламывайтесь больше в мою спальню.

Никос не привык, когда его критикуют.

– Уверен, дверь скоро починят, – произнес он.

– Не в этом дело. Вам не следовало прибегать к силе. Я уверена, в доме есть внутренний телефон. Вы можете позвонить мне, чтобы узнать, как у меня дела.

– Вам не следует запираться.

Джорджия сдвинула брови:

– Я всегда запираю дверь своей спальни.

– Даже в собственном доме? – спросил Никос.

– Я живу одна. И запираю все двери.

– В Атланте так опасно?

– Мир вообще опасен. – Ее голос стал почти ледяным.

– Здесь вы в безопасности.

Стиснув зубы и задрав подбородок, она встретила взгляд Никоса:

– Я не понимаю, что это значит.

Ее ответ сбил его с толку:

– Здесь вы можете отдохнуть. Вам ничто не угрожает.

– Даже вы? – спросила она.

Никос напрягся. У него перед глазами возник образ Эльзы, которая боялась оставаться с ним наедине.

– Я не причиню вам вреда, – выдавил он, заставляя себя посмотреть на Джорджию. – Я хочу, чтобы вы были в безопасности. Ваше спокойствие крайне важно, от него зависит благополучие моего сына. На Камари у вас будет только лучшее.

Она смотрела на него яркими голубыми глазами, размышляя над его словами.

– Мне не нужна помощь. Мне необходимо личное пространство и уважение.

– Оно у вас будет. Наряду с надлежащим уходом.

Джорджия продолжала смотреть на него в упор:

– Не уверена, что наши с вами представления о правильном уходе совпадают. Мне было бы лучше дома, рядом со своей сестрой и акушером. Я чувствовала бы себя здоровее и спокойнее с моим врачом и семьей.

– Я нанял лучшего акушера и педиатра Греции. Оба будут присутствовать при родах. Акушер будет осматривать вас один раз в месяц. Когда вы привыкнете, вам здесь понравится.

Ее глаза сверкнули.

– Не сомневаюсь, вы поняли, о чем я говорю. Когда я соглашалась на суррогатное материнство, то не предполагала, что буду жить здесь с вами. Это не входило в первоначальное соглашение. На самом деле я бы не согласилась вынашивать ребенка, если бы знала, что мне придется провести на острове последний триместр беременности. Мне здесь не нравится.

– Вы получили щедрую компенсацию за приезд на Камари.

– Но деньги – это еще не все. – Джорджия упрямо вздернула подбородок. – И я не позволю вам швырять деньги мне в лицо. Это грубо и унизительно.

– Но вы согласились стать донором и суррогатной матерью за деньги.

– Мне следует оплачивать учебу себе и своей сестре. Но я также хотела сделать что-то хорошее. И я это сделала. Я создала новую жизнь. Вы не можете устанавливать на это цену. – Ее голос внезапно надломился, и она отвернулась, прикусив нижнюю губу.

Никос разглядывал ее красивый профиль, видел слезы в ее глазах. Ему стало интересно, расстроилась ли она по-настоящему, или слезы – часть игры. Он не доверял женским слезам. Этому его научила Эльза. Вероятно, Джорджия хочет им манипулировать. Такое вполне возможно.

– А вас не коробит то, что вы отдадите ребенка? – жестко спросил он.

Джорджия хрипло произнесла:

– Это ваш сын, не мой.

– Но вы донор яйцеклетки. И вы его вынашиваете.

Ее губы едва заметно изогнулись в улыбке, но взгляд остался серьезным.

– Считайте меня плодоносящим садом. Почва не плачет, когда бросаешь в нее зерно, а потом собираешь урожай.

Интересный ответ, подумал Никос.

– Почву нельзя сравнивать с молодой женщиной. Как же материнский инстинкт?…

– У меня нет материнских инстинктов, – холодно ответила Джорджия.

– Но вы же помогаете своей сестре.

– Это другое. Она член моей семьи. Я за нее отвечаю. Но я не желаю обзаводиться детьми. Не хочу брать на себя больше ответственности.

– Позже вы можете передумать.

Она шагнула к нему и взглянула на него в упор:

– Вы хотите, чтобы я передумала?

Никос испытал шок. Не только от ее слов, но и оттого, что Джорджия подошла к нему так близко. Никто не вторгался в его личное пространство. Никто не хотел быть рядом с ним. Люди чувствовали себя рядом с ним неуютно. Женщины его боялись. Но Джорджия бросила ему вызов.

Она не была робкой или слабой. Никос восхищался ее смелостью и открытостью. Ее противоречивость разожгла его сексуальный аппетит.

Джорджия восхищала его. И да, она совсем не похожа на Эльзу. Если Эльза искала защиты, то Джорджия откровенно провоцировала его на конфликт.

Но он должен предупредить ее, обязан сказать ей, что она играет с огнем.

– Нет, я не хочу, чтобы вы передумали, – ответил Никос. – Он мой сын.

– Хорошо. Я рада, что мы договорились по этому вопросу. – Джорджия отошла от него и уселась на скамью, скрестив ноги.

Никос медленно подошел к ней, изучая выражение ее лица. Джорджия выглядела настороженной.

Он присел на стул напротив нее.

– Пока мы ехали сюда, вы спросили меня, где я буду воспитывать своего сына. – Никос помолчал, разглядывая ее полные розовые губы и пульсирующую венку у основания изящной шеи. – Почему вы об этом спросили?

Она повела плечами:

– Мне просто любопытно.

– Вам любопытно знать, как будет жить он или я?

Джорджия снова повела плечами, на этот раз небрежнее:

– Я лишь поддерживала разговор. Мне очень жаль, если я причинила вам неудобство.

– Никаких неудобств. Я люблю Камари, поэтому легко отвечу на ваш вопрос. Я выращу моего сына здесь. Мы будем жить на острове, я расскажу ему о его семье и родословной и подготовлю его к наследованию бизнеса семьи Панос. Он – мое будущее.

Наступило напряженное молчание. Джорджия Нильсен определенно размышляла над его словами.

Никос указал на ее почти пустой стакан:

– Налить вам воды?

– Не надо.

– Мы, греки, любим пить воду. Мы подаем ее к кофе и десерту. Но вообще у нас много напитков. – Его голос заглушил рев двигателя.

Никос замолчал, когда белый самолет, доставивший их на остров, пролетел прямо над их головами.

Джорджия подняла голову.

– Ваш самолет не останется на острове? – спросила она.

– Нет. Ангар находится в Афинах.

Она смотрела вслед самолету. Никос наблюдал за ней, разглядывая изящные линии ее лица.

У Эльзы была бледная кожа сливочного оттенка и темно-синие глаза. Ее губы были более тонкими, а глаза более широко посаженными. Она походила на куклу.

Джорджия снова посмотрела на Никоса:

– Почему Афины?

– Там я держу все свои самолеты, – сказал он.

– У вас есть еще самолеты?

– Да. И вертолеты тоже.

– А яхты?

– Конечно. Ведь я живу на острове.

Джорджия отвела ото лба белокурую прядь.

– Сейчас уже поздно осматривать остров?

– Солнце сядет через час. Лучше подождать до утра. Я покажу вам сады, пешеходные дорожки и бассейн. Я полагаю, вы захотите позаниматься в тренажерном зале. – Он поднялся. – Мистер Лоран сказал, вы регулярно занимаетесь физкультурой. Это так?

– Я хожу пешком, плаваю и поднимаю тяжести…

– Больше никаких тяжестей.

Она тихо рассмеялась:

– Я же не собираюсь устанавливать олимпийский рекорд.

– Никаких тяжестей, – повторил Никос. – Не думаю, что так необходимо подвергать стрессу себя и ребенка.

Джорджия открыла было рот, чтобы возразить, потом сомкнула губы и пожала плечами.

– Бассейн с подогревом, – сообщил Никос. – Уверен, он вам понравится.

Откинувшись на подушки, молодая женщина вытянула перед собой длинные ноги.

– Значит, так будет следующие три с половиной месяца? – спросила она.

– О чем вы?

– Вы станете контролировать мое питание и тренировки?

Услышав насмешку в ее голосе, Никос не возмутился, но ему стало неприятно. Джорджия не подозревает, как она ему нравится.

– Да, – просто ответил он. – Именно так и будет.

Губы Джорджии слегка изогнулись в улыбке, а глаза озорно сверкнули.

– Тогда у нас возникнут проблемы.

– Не возникнут, если вы подчинитесь.

Она одарила Никоса долгим взглядом и приподняла бровь идеальной формы:

– Разве мистер Лоран описал меня как покорное и послушное существо?

Внезапно атмосфера накалилась. В жилах Никоса забурлила кровь. Его тело изнывало от желания.

– Мистер Лоран никогда вас так не описывал, – мягко ответил Никос. – Мой адвокат называл вас умной, одаренной, успешной и амбициозной.

Ее голубые глаза уставились на него в упор, и он задался вопросом, о чем она думает. Джорджия не казалась испуганной. Она была воплощением спокойствия и самоуверенности. Двадцатичетырехлетняя Джорджия Нильсен показалась ему

самой желанной из женщин.

Он резко одернул себя.

– Я не привыкла к тому, что мне указывают, как себя вести, – тихо и решительно произнесла она. – Я погощу у вас несколько месяцев, но я буду жить по-своему.

Никос не привык договариваться с кем-либо, а особенно с женщиной. Ситуация показалась ему интересной.

– А вас не беспокоит благополучие моего сына? – спросил он.

– Я отлично о нем забочусь.

– Я это ценю. Но я его отец и ожидаю, что вы станете уважать мои желания.

Она лишь нахально усмехнулась в ответ.

Никос не предполагал, что ему придется ей противостоять. Он нанял Джорджию, и она обязана исполнять его желания.

Поставив стакан на угловой столик, он снова присел напротив нее.

– Полагаю, возникло маленькое недоразумение, – мило произнес он. – Возможно, нам мешает языковой барьер. Я грек, а вы американка, но бизнес есть бизнес. Мы подписали контракт, и я щедро вам заплатил.

– Мы обсуждаем мое тело. Я не транспортировочный контейнер и не ваша сотрудница. Я женщина, которая делает вам подарок.

– Вы предоставляете мне услуги, – возразил Никос. – Давайте называть вещи своими именами.

– Да, вы получите от меня ребенка, – парировала она вызывающим тоном, ее голубые глаза сверкали. – Но я не просто женщина. Я стала донором яйцеклеток и суррогатной матерью. Вы выбрали меня не просто так. Вы могли выбрать

любую, но выбрали меня, а это значит, что я не позволю вам собой помыкать. Вы можете договариваться со мной, но диктовать мне условия вы не имеете права.

Долгое время стояла тишина. Джорджия чувствовала, что Никос ее оценивает. Он не был доволен. Но она его не боялась. Она ни разу не встречала таких людей, как он. И если бы Джорджия не оказалась в ловушке на изолированном острове, то была бы заинтригована.

– Кто еще живет на Камари? – спросила она, нарушая гнетущее молчание.

– Только мои сотрудники.

– Их много?

– Около десяти, в зависимости от дня недели и случая.

– А вы когда-нибудь покидали остров? Мы можем куда-нибудь поехать?

Никос прищурился:

– Вы пробыли здесь несколько часов и уже хотите уехать?

– Я никогда не была в Греции.

– Но сейчас вы на греческой земле.

Улыбнувшись, Джорджия посмотрела поверх плеча Никоса на синий горизонт:

– Но я вижу другие острова. Они, наверное, недалеко отсюда.

– Ближайший называется Аморгос. До него двадцать шесть километров.

– Как вы туда добираетесь? – сказала она.

– Я туда не езжу.

Джорджия шире улыбнулась.

– А если я попрошу вас отвезти меня туда? – непринужденно спросила она.

– Зачем?

– Ну, вдруг мне захочется пройтись по магазинам?

– Вы хотите купить оливки… хлеб… мыло? Потому что в магазинах в это время года продается только это. Зимой на Аморгосе нет туристов. Там есть еще несколько мясных магазинчиков.

– Неужели там больше ничего нет?

Никос пожал широкими плечами:

– Там есть паромная переправа, больница, монастырь и церкви. Много церквей. Но нет ни музеев, ни кафе. Ничего такого, что может вам понравиться.

– Откуда вы знаете, что мне понравится?

– Вы молоды и красивы. Молодые красивые женщины любят развлекаться.

Джорджия рассмеялась:

– Вы настоящий женоненавистник.

– Нет. Я просто честен. И до того, как вы скажете, будто я придираюсь к женскому полу, я сообщу, что молодые красивые мужчины тоже любят развлекаться.

– Но не вы.

– Я не молодой и не красивый.

– Вы напрашиваетесь на комплименты?

Он наклонился к ней и пристально посмотрел в ее глаза:

– Взгляните на меня.

Джорджия увидела его глаза оттенка темного шоколада, густые черные ресницы и густые брови вразлет.

– Я смотрю, – спокойно сказала она, хотя ее сердце забилось чаще. Она не знала, что происходит, но ей стало трудно дышать. Ей было непросто сосредоточиться. – Вы еще молоды и, несмотря на шрамы, красивы.

– Вы издеваетесь? – прорычал Никос.

– Нет.

– Тогда посмотрите еще раз.

– Что я должна увидеть?

Он отвел темные волосы с виска, покрытого шрамами:

– Смотрите!

– Это ожоги, – произнесла Джорджия, изо всех сил стараясь казаться хладнокровной. Протянув руку, она провела пальцами по шрамам. – Они расположены на три дюйма выше лба, по линии роста волос, а также на виске и верхней части скулы. – Ее пальцы дрожали, когда она убрала руку и положила ее на колени. – Как давно это случилось?

– Пять лет назад.

– Они хорошо зажили.

– Мне сделали несколько пластических операций.

Джорджия не понимала, о чем он думает. Рядом с Никосом она испытывала непривычные ощущения и была к ним не готова. Он подавлял ее. Следующие три с половиной месяца станут для нее невыносимыми, если она не научится контролировать свои эмоции.

– Я устала, – сказала Джорджия, вставая. – Вернусь к себе.

– Вы должны поесть.

– Не могли бы вы попросить, чтобы обед принесли в мою комнату? – Она заставила себя слабо улыбнуться и, видя, что Никос собирается протестовать, быстро прибавила: – Я, наверное, посплю.

Нахмурившись, Никос поднялся:

– Я вас провожу.

– Не надо.

– Вы моя гостья, вы только что приехали. Я провожу вас в вашу комнату. И заодно проверю, в порядке ли ваша дверь.

Джорджия не могла спорить с его логикой. Если она намерена выжить на этом острове, ей придется уступать Никосу.

Они спустились по лестнице, прошли через гостиную и вышли в светлый коридор с видом на море.

– Моя комната там. – Никос кивнул на конец коридора. – Если вам что-нибудь понадобится…

– Мне ничего не нужно, – сказала Джорджия.

– Если возникнет чрезвычайная ситуация.

– Она не возникнет.

Никос остановился у ее комнаты. Дверь была закрыта. Повернув ручку, он открыл дверь, потом снова закрыл ее.

– Кажется, все в порядке, – произнес он.

Пройдя в комнату, Джорджия заметила, что с двери снят замок. Она повернулась к Никосу:

– Не все в порядке. Замок снят. Я говорила вам…

– Если вы боитесь спать при незапертой двери из-за страха, что на вас нападут, я буду ночевать в вашей комнате.

– Нет.

– Тогда привыкайте к незапертым дверям. – Никос явно не был намерен продолжать спор. – Скоро вам принесут обед. Утром я покажу вам дом и сады.

Глава 4

Джорджия долго не могла уснуть.

Она провела в Греции всего несколько часов, но уже сожалела о том, что согласилась приехать на Камари. Деньги того не стоят…

Она одернула себя. Надо успокоиться и рассуждать рационально. Ей не станет легче, если она продолжит расстраиваться. У нее в жизни было полно трудностей, она справится и с этой.

Жаль, что она так мало знает о Никосе Паносе. Мистер Лоран немного рассказал ей о семье Панос, которая сколотила состояние сравнительно недавно – после Второй мировой войны, когда восстанавливала разрушенные города Европы, а затем занималась перевозкой грузов.

Джорджия поискала информацию о Паносах в Интернете. В истории этой семьи не все было безоблачно. Компания с трудом удерживалась на плаву последние десятилетия из-за скудных инвестиций извне и неудачных сделок. Балансируя на грани банкротства, сын и наследник Никос Панос взял бразды правления в свои руки и вывел компанию в лидеры.

Успех Никоса был приятен Джорджии. Но она не должна так много размышлять об этом человеке. Она слишком многое потеряла после смерти родителей, сестры, бабушки и дедушки. И теперь она должна быть осторожнее, чтобы снова не пострадать. Она вынашивает не своего ребенка. Это не ее сын.

Проснувшись, Джорджия нахмурилась от яркого солнечного света. Она не была готова снова встретиться с Никосом и осматривать с ним дом.

Принимая душ и одеваясь, она говорила себе, что должна держать с ним дистанцию. Небо было ясным, но в ее комнате было холодно, снаружи завывал ветер, поэтому Джорджия выбрала для прогулки узкие джинсы, объемный серый кашемировый свитер и серые ботильоны.

Через несколько минут Никос постучал в дверь ее спальни. На нем были черные брюки и черная рубашка. Хотя Джорджия была высокого роста, Никос возвышался над ней, а его широкие плечи заполняли дверной проем.

Оглядев Джорджию, он уставился на ее ноги.

– Пожалуйста, наденьте более удобную обувь, – сказал он.

Она сдержала смешок, однако Никос вовсе не шутил. Джорджия удивленно подняла брови:

– Вы серьезно?

– На вас снова обувь на высоких каблуках. Вы можете вывихнуть лодыжку, упасть и сломать себе шею.

– Уж не знаю, что за неуклюжие женщины вам попадались…

– Вы не на свидании. Вы суррогатная мать. Переобуйтесь!

Джорджия рассмеялась. Никос посуровел. Судя по всему, он не ожидал от нее такой реакции. Она прикусила губу.

Неужели он и правда считает, что она будет ему подчиняться? Очевидно, он понятия не имеет о том, какая она на самом деле. Сестры Нильсен не из робкого десятка. Сюзанна и Джорджия были дочерьми миссионеров-американцев норвежского происхождения и выросли за границей, переезжая с родителями из одной страны в другую, до того как потеряли свою семью во время ужасного нападения четыре года назад. Джорджия и ее сестра вместе пережили горе и стали сильнее прежнего. И Никосу следует об этом знать.

Он выбрал Джорджию из тысяч доноров и потенциальных суррогатных матерей. Мистер Лоран сказал ей, что Никос тщательно изучил ее данные: дату рождения, рост, вес тела, группу крови, цвет глаз, естественный цвет волос, образование.

– Вы смеетесь, – мрачно сказал Никос.

– Да, я смеюсь. И рассмеюсь снова, если вы не перестанете вести себя как диктатор. Да, вы оплатили мне услуги суррогатной матери, но у меня все в порядке с мозгами, поэтому не надо мне указывать, что делать.

– Неужели вы не понимаете, что рискуете здоровьем, нося неудобную обувь?

– У этих ботильонов маленький каблучок. – Джорджия подняла руку и большим и указательным пальцем показала размер каблука. – Он крошечный.

Никос громко и тяжело вздохнул:

– Вы невыносимы, как избалованный ребенок.

– Уж не знаю, какой у вас опыт общения с детьми, но, по-моему, вы любите унижать женщин.

– Я не унижаю женщин как таковых. Мы обсуждаем вас.

– Вы удивитесь, узнав, что я не желаю вашего внимания. Я не хочу составлять вам компанию.

Вы нестерпимо высокомерны. Я отлично понимаю, почему вы живете на скале посреди моря. Никто не захочет быть вашим соседом!

– Мне кажется, вам просто нравится спорить.

– Я не люблю споров, но не стану вам угождать. Я не люблю конфликты, но не позволю ни вам, ни кому-либо еще мной помыкать. – Учащенно дыша, Джорджия уперлась руками в бока. – Вы первый это начали. Вы разговариваете со мной как с умалишенной.

– Я помогаю вам.

– Вы поможете мне, если не будете лезть в мои дела. Я не указываю вам, что употреблять в пищу и какие физические упражнения выполнять. Я не говорю вам, как одеваться.

– Я не беременный.

– А я беременна. И когда я нервничаю, у меня повышается кровяное давление и ребенок все это чувствует. Как вы думаете, вашему ребенку будет хорошо, если вы станете меня злить? Хотя, как ваш сын, он, вероятно, любит ссориться.

Никос сердито посмотрел на нее:

– Я не люблю ссор.

– Тогда не провоцируйте меня.

– А почему бы вам не уступить мне? – спросил он.

– Я уже вам уступила! – Джорджия указала рукой на комнату, окна и вид за пределами виллы. – Я оставила свой дом, чтобы жить здесь три с половиной месяца. Я сделала все, чтобы вас осчастливить. Вы не хотите попытаться сделать счастливой меня, Никос?

Он уперся руками в дверной проем и сделал медленный, глубокий вдох. В его карих глазах читалось замешательство.

– Следующие три с половиной месяца ничего не изменится! – прорычал он, густая прядь черных волос упала на его висок, скрывая шрамы. – Это мой дом, мое святилище. Здесь я живу. Здесь я спокоен и контролирую ситуацию.

– Возможно, вам не помешает немного ослабить контроль. Вам не хочется отступить и просто дать мне передышку?

– Вы только что приехали, – сказал Никос.

– Точно. Но вы уже сломали дверь моей комнаты.

– Я же извинился!

Джорджия фыркнула:

– Вы не извинились. Вы просто приказали починить дверь. Но это не извинение. А теперь вы торчите на пороге и нервируете меня. – Она глотнула воздух. – Мистер Лоран обязан был обо всем мне рассказать. Он не должен был описывать вас умным и успешным бизнесменом. Он должен был сказать мне правду. Вы ужасный человек! Вы чудовище! – Джорджия увидела, как вспыхнули его глаза, и поняла, что зашла слишком далеко. Но она была очень обижена, поэтому не могла замолчать. Она выпалила: – Я не желаю осматривать дом с вами. Я сама посмотрю его, когда захочу. По-моему, каждому из нас следует заниматься своими делами. – С этими словами она захлопнула дверь, надеясь, что та не врезала ему по носу.

На долю секунды Джорджия почувствовала себя победителем. Она направилась в гостиную, где лежали ее книги. Возможно, Никос поймет, что его хамское поведение отрицательно сказывается на здоровье их всех.

Внезапно дверь распахнулась, и в комнату ворвался Никос. При виде выражения его лица душа Джорджии ушла в пятки.

Она отступила назад, воскликнув:

– Что вы делаете? Убирайтесь! Это моя комната.

– Нет, дорогуша. Похоже, вас следует проучить. Это не ваша комната. Она находится в моем доме, которым я позволяю вам пользоваться. – Он шел в ее сторону. – Я повторяю, это мой дом. Моя комната. Вы вынашиваете моего сына.

Сердце Джорджии колотилось как сумасшедшее, когда Никос подошел к ней, но она не собиралась сдаваться:

– Пусть этот дом ваш и ребенок тоже ваш, но я вам не принадлежу. Я никогда не стану ничьей собственностью.

– Вы взяли мои деньги.

– Вы уже тысячу раз мне об этом говорили! – воскликнула она.

– Пока вы не родите, вы принадлежите мне.

– Неправда. – Она расправила плечи. – Я вам не принадлежу и никогда не буду принадлежать. И вообще я хочу прямо сейчас позвонить мистеру Лорану. Я думаю, мне пора поговорить с ним и кое-что выяснить.

– Вам не надо никому звонить.

– Но я позвоню. Я сыта по горло вашим гостеприимством. Мне будет гораздо комфортнее в афинском отеле.

– Вы никуда не поедете, – отрезал Никос.

– Вы не можете держать меня здесь.

– Могу. Я за вас отвечаю.

– По-вашему, я не могу отсюда уехать?

Секунду стояла тишина. Никос стиснул зубы.

Его карие глаза сверкнули, потом он опустил веки, пряча взгляд.

– Здесь вы в безопасности, – тихо сказал он. – Здесь самое безопасное место в Греции.

– Но я не чувствую себя в безопасности. Вы не уважаете меня и не признаете мое личное пространство.

Он нахмурился:

– Что вы хотите этим сказать? Я не прикасался к вам и не угрожал вам.

– Если вы не знаете, что такое уважение, я не стану вам этого объяснять. Безопасность бывает не только физической, но и психологической.

– Разве вам было неприятно ехать сюда?

– Конечно, мне было неприятно. Я не знала вас. И я до сих пор вас не знаю. И то, что я узнала о вас после прибытия, мне не понравилось. – Джорджия посмотрела ему в глаза. – У меня ощущение, что вы и мистер Лоран меня обманули.

– Как мы вас обманули? Разве вам не заплатили? Разве вам не выдали невероятно щедрый бонус, чтобы вы приехали сюда?

– Теперь, когда я поняла, какой вы, я знаю, что попросила слишком мало. На самом деле вы вряд ли сможете заплатить мне столько денег, чтобы я согласилась мириться с вашим идиотизмом.

Никос помотал головой:

– Идиотизм?

– Да. Вы ведете себя как бандит.

– Хватит, дорогуша.

– Я хочу позвонить мистеру Лорану.

– И что, по-вашему, сделает мистер Лоран?

– Он достанет мне билет на самолет.

– Мистер Лоран работает на меня. Он мой адвокат.

– Он мне обещал… – Джорджия с трудом сглотнула, изо всех сил пытаясь вспомнить, что обещал ей мистер Лоран.

– Что же вам обещал мой адвокат, Джорджия? – растягивая слова, спросил Никос, видя ее неуверенность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/porter_dzheyn/samyy-zhelannyy-muzhchina

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити